

Вопросы без ответов, или Еще одно «измерение» российской сельской дифференциации¹

**Зачарованное место. Медиапотребление,
медиаграмотность и историческая память сельских
жителей / Под ред. А. Г. Качкаевой, А. А. Новиковой. М.: ВШЭ,
2021. — 168 с. ISBN 978-5-7598-2522-7**

И. В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-3-180-190

В последние десятилетия возможность построения некоей системной типологии российских сельских территорий рассматривается в экономических и социологических работах. Как правило, они фокусируются на сценариях развития сельских районов, институциональных ловушках и транзакционных издержках многочисленных попыток решить «земельный вопрос», объективных противоречиях постсоветского аграрного реформирования, стратегиях возрождения сельской периферии, соотношении формальных и неформальных социально-экономических практик, взаимосвязанных тенденциях раскрестьянивания и окрестьянивания, централизации и разгосударствления, холдингизации и обезземеливания, глобализации и глокализации, исторических и современных проектах аграрного и сельского развития и т.д.² Неизменным рефреном подоб-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

2. См., напр.: *The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition* (2003) // *Halle Studies in the Anthropology of Eurasia* / Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. (Eds.). Vol. 1. Münster; *Нефедова Т. Г.* (2003). *Сельская Россия на перепутье: Географические очерки*. М.; *Ханн К.* (2007). *Отношения собственности в постсоциалистических обществах* // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 5. № 2; *Allina-Pisano J.* (2008). *The Post-Soviet Potemkin Village. Politics and Property Rights in the Black Earth*. Cambridge University Press; *Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы* (2009) / Отв. ред. Т. Е. Кузнецова. М.; *Калугина З. И., Фадее-*

ных работ (даже самых оптимистичных) выступает констатация сжимания российского сельского пространства (что подтверждается сокращением доли сельских жителей, прежде всего вследствие миграционного оттока молодежи), сокращения набора и объемов традиционных видов аграрной занятости, истощения человеческого и социального капитала сельских территорий, консервации здесь объективной и субкультурной бедности и других негативных тенденций, не позволяющих сельским поселениям преодолеть разрыв в уровне и качестве жизни с городами. Резкая социально-экономическая дифференциация — отличительная черта российского общества в целом, но наиболее выпукло она просматривается при сравнении жизненных практик и возможностей городского и сельского населения (например, в Норвегии нет столь резкого разрыва, и, как утверждают наши норвежские коллеги, даже в самых периферийно-сельских районах там можно жить, располагая всеми благами современной городской цивилизации).

Книга «Зачарованное место» предлагает взглянуть на современных жителей российских сел с применением иной исследовательской «оптики» к проблемам внутрисельской поселенчески-пространственной дифференциации — с позиций медиапотребления

ва О. П. (2009). Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск; *Пиллясов А. Н.* (2009). И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.; *Стародубровская И., Миронова Н.* (2010). Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы. М.; *Шагайда Н. И.* (2010). Оборот сельскохозяйственных земель в России: трансформация институтов и практика. М.; *Линднер П., Мозер Э.* (2011). (Де)централизация сельской России: местное самоуправление и «вертикаль власти» // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 6 / Под ред. Т. Шанина, А. М. Никулина, И. В. Троцук. М.; Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России (2011). М.; *Нефедова Т. Г.* (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.; *Узуи В. Я., Шагайда Н. И.* (2015). Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.; *Божков О. Б., Игнатова С. Н.* (2015). Российский сельскохозяйственный предприниматель: формирование и воспроизводство социальной группы // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2015. Вып. 10 / Под ред. Т. Шанина, А. М. Никулина, М. Г. Пугачевой. М.; Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) (2016). / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М.; *Игнатова С. Н., Божков О. Б.* (2016). Факторы успешности сельхозпредприятий в экстремальных экономических условиях // Пути России. Новый старый порядок — вечное возвращение? Т. XXI / Под ред. А. Ф. Филиппова, М. Г. Пугачевой. М.; *Форбруг А.* (2018). Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав на землю в сельской России / Пер. с англ. яз. И. В. Троцук // Крестьяноведение. Т. 3. № 3; *Никулин А.* (2020). Школа Чаюнова: утопия и сельское развитие. М.; *Форбруг А.* (2020). Этнографии медленного насилия: исследование последствий разрушения сельской инфраструктуры / Пер. с англ. яз. И. В. Троцук // Крестьяноведение. Т. 5. № 1 и др.

и медиаграмотности. Безусловно, это интересный аналитический ракурс, но у социологически и экономически подготовленного читателя не может не возникнуть к книге сразу нескольких вопросов уже при взгляде на ее название. Во-первых, почему медиапотребление и медиаграмотность идут в связке с исторической памятью — все же это очень разные тематики. Во-вторых, почему четко эмпирически интерпретируемые понятия медиапотребления используются в названии вместе с метафорической конструкцией «зачарованное место». В-третьих, как столь много сложнейших многоаспектных проблематик поместилось в небольшую по объему книгу (168 страниц), учитывая, что в нее включены два предисловия («не совсем научное» и «научное»), заключение, библиографические списки и цитаты из интервью с сельскими жителями, а в аннотации заявлена еще одна огромная по объему проблематика социальной удовлетворенности. Авторы позиционируют книгу как «результаты междисциплинарного научного исследования, проводившегося в 2012–2014 годы, и журналистских наблюдений... в период значительного усиления вовлеченности технологий в жизни людей в сельской местности», по итогам которых «зафиксирован важный этап трансформации медиасферы — ситуация перехода на цифровое многоканальное телевидение в различных регионах и начало формирования новых (цифровых) практик медиапотребления» (с. 2). И сразу снимают возможное критическое замечание о временной отдаленности своей полевой работы от дня сегодняшнего уточнением, что «в книгу вошли актуальные рефлексии исследователей о влиянии описанных процессов почти десятилетней давности на уровень медиаграмотности и социальной удовлетворенности сельских жителей» (с. 2). Тем не менее в работе сделан слишком большой тематический и оценочный замах, в чем читатель последовательно убеждается по мере чтения книги.

Как неоднократно подчеркивают авторы, они стремились соблюсти баланс между научно-исследовательским и журналистским аспектами работы, но книга все же носит избыточно оценочно-публицистический характер. Это не значит, что представитель академического сообщества (своего рода «научный пурист») должен сразу отложить книгу в сторону как не заслуживающую внимания — она требует к себе внимательного отношения как минимум по двум причинам. Во-первых, книга отражает основные тематические и оценочные акценты устойчивого дискурса о российском селе/периферии: как российское сельское пространство и его жители воспринимаются общественным мнением и репрезентируются в медиaprостранстве. Во-вторых, противоречия, с которыми читатель «научного типа» сталкивается в тексте, и вопросы, которые у него постоянно возникают, говорят о том, что авторы книги успешно обозначили направления дальнейшей работы, а в социальных науках правильные вопросы — важнейший исследовательский шаг.

Обозначенные особенности книги делают ненужным и даже бессмысленным пересказ ее содержания, поэтому попробуем реконструировать предлагаемый авторами взгляд на социально-медийную дифференциацию сельских жителей, который пока порождает больше вопросов, чем дает ответов, и оказывается слишком оценочно-иллюстративным для соблюдения баланса между научным и публицистическим подходами. Во-первых, это отсутствие статистической и количественно-социологической контекстуализации приводимых аналитических обобщений на основе полевых наблюдений и интервью, например, говорить о каналах-«телелюбимчиках» сельского населения имеет смысл в контексте общероссийских телевизионных рейтингов.

Во-вторых, это методологические недосказанности: например, каковы критерии отнесения к «глубинке» «почти половины населения страны — более 75 млн человек» (с. 7); почему настенные календари были включены в список индикаторов «технической и культурной оснащенности домохозяйства» (с. 57); почему для изучения медиапотребления была выбрана «теория практик» (Бурдые, Гарфинкель, Гидденс, Шюц и др.), а не традиция изучения коммуникационных технологий и медиапотребления (Иннис, Маклюэн, Лассуэл, Ноэль-Нойман, Грушин, Коробейников, Фирсов, Вартанова и др.). Безусловно, медиапотребление — это социальная практика, или совокупность устойчивых социокультурных способов деятельности и привычных навыков обращения с медиаресурсами, но ее своеобразие определяет медийно-цифровая природа, и, возможно, следовало уточнить применимость концепций информационного/медиа/кибергорода к исследованию сельских районов. Тем более что авторы отмечают в сельской местности те же процессы, что происходят в городах, пусть и в иных масштабах и темпе, — вытеснение практик чтения книг и потребления музыки на дисках и в радиоэфире за счет их перевода в социальные сети, Интернет, мобильные устройства (с. 24). Столь же справедливо наблюдение, что «основной досуг сельских жителей все еще тесно связан с телепросмотром» по причине «удаленности от культурных центров и слабо развитой местной инфраструктуры развлечений», а «приемам пользования Интернетом и смартфоном старшее поколение сельских жителей обучали дети и внуки» (с. 26) — аналогичные процессы наблюдаются в городах, но городская молодежь предпочитает телепросмотр в Интернете по другим причинам (сложный график жизни, просмотр кинофильмов в транспорте и т.д.).

Методологическая часть книги не всегда выверена даже в тех случаях, когда авторы уточняют ее элементы, например, «просто разговоры с людьми» — это не «материал для размышлений», а именно тот «набор социологических данных», который был получен в ходе «проведения исследовательских работ» (с. 11), поскольку использовался метод интервью. Авторы упоминают глубинное ин-

тервью, но в подобного рода проектах допустимо и свободное интервью, а если оно превращалось в монолог информанта, то речь может идти и о нарративном интервью, но не об «эго-документах».

В книге встречается и неоднозначная терминология. Например, представляется, что говорить о «крестьянском сословии» применительно к XX веку можно скорее в метафорическом, чем в буквальном смысле, и вряд ли в «каждом из посещенных сельских поселений» авторы «встретили представителей разных сословий — и титульных (имеющих отношение к власти), и нетитульных (в частности, пенсионеров, бюджетников, коммерсантов)» (с. 27). То, что границы этих сословий несколько размыты, авторы объясняют территориальной удаленностью от городских центров как мест концентрации власти, но причина скорее в неприменимости сегодня «сословной» стратификации, тем более что представители «нетитульных сословий» в сельских районах часто обладают властным ресурсом: например, пенсионеры работают главами муниципалитетов, а предприниматели спонсируют выполнение общественных работ и праздники, и потому влияют на управленческие решения в своем районе. Авторы признают «внесословное положение сельских жителей или их возможность не идентифицировать себя ни с каким сословием» по причине принципиальной «автономии» от государства, особенно в сельских поселениях, удаленных от городских центров, но для объяснения «антигосударственного» настроения сословная метафора не нужна — можно использовать метафору «второй России» (чувство социальной незащищенности и отстраненности от городской жизни замыкает людей в близком социальном круге и локальном сообществе) или «оружия слабых» (издержки и негативные последствия социально-экономического реформирования на селе компенсируются традиционными нормами общежития³). Поэтому вряд ли «демонстративное равнодушие и бравада свободой, которую дает сельским жителям удаленность от городской жизни, в большей степени самообман и игра» (с. 61). Столь же сомнительно, что в наше время можно наблюдать «разрушение крестьянской общины, начатое почти сто лет назад» (с. 59) — вероятно, речь идет о традиционном сельском сообществе гемайншафтного типа, и авторы действительно расшифровывают «общину» как «колхоз, соседей».

Несомненно, авторы реализовали качественный исследовательский подход, но и он требует более четких обоснований принятых решений. Например, приведенная в начале книги «россыпь цитат из “живых” интервью, “голосов” героев», «воссоздающая атмосферу, в которой люди выросли и живут большую часть жизни» (с. 14), свою задачу не выполняет, потому что представляет собой

3. Скотт Дж. (1996). Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник. М.

слишком разрозненные фрагменты, которые следовало сгруппировать в иные тематические блоки, чем «Воспоминания» и «Впечатления». Публикация цитат из интервью предполагает указание возраста респондентов — читателю непонятно, какой возрастной интервал авторы подразумевают у «пожилого мужчины/женщины» (от 60 до 90?), «женщины/мужчины средних лет» (от 36 до 59?), «молодой женщины» (от 16 до 35?). Не обосновывается квотный отбор информантов, не уточняются «стандарты качественного исследования», не объясняется итоговое количество интервью (и почему больше всего интервью было проведено в Ростовской области), не указаны количество и критерии отбора (основных) рассказчиков в каждом домохозяйстве и проводилось ли интервьюирование и анкетирование в тех домохозяйствах, где члены отказывались фотографироваться (с. 32). В аналитических обобщениях встречаются понятия, которые требуют уточнений: «три города (из скольких), о которых жители Угор часто (критерий частоты) говорят в интервью» (с. 35); «многие (половина, треть?) жители заняты на производстве», «значимые (по каким критериям) для жителей поселка Коксовый города» (с. 37); «старались выбирать коренных жителей региона (критерии укорененности)» (с. 43); «часто говорят о семье и редко — о религии (критерии редкости и частоты)» (с. 46); «один из самых благополучных с экономической точки зрения» (по каким критериям) (с. 66); «биологические страхи — связанные с непосредственной угрозой жизни», а «социальные страхи — связанные с социальными угрозами» (но разве они не могут угрожать жизни, например, преступность) (с. 142) и др.

Кейс-стади — традиционная тактика качественного подхода⁴, но отбор кейсов должен быть более четко обоснован с точки зрения «типичности», чем «разные населенные пункты, расположенные в разных частях страны», «национальные (Татарстан) и иные регионы (Ростовская, Костромская, Иркутская области)», «вымирающие северные и вполне себе населенные южные», «традиционный колхозно-крестьянский образ жизни, ориентированный на основную долю занятых в сфере промышленности, и населенный пункт, тесно связанный с лесозаготовками». Как эти характеристики влияют на медиапотребление и насколько конкретные поселения типичны для каждого региона? По каждому поселению дается историческая справка, но ее содержание слабо связано с медиапотребительскими практиками и не характеризует типичность кейсов, хотя выводы авторы делают о регионах, например, о «сель-

4. См., напр.: Троцук И. В. (2007). Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. № 4; Божнов О. Б., Троцук И. В. (2018). Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 18. № 4 и др.

ских жителях Костромской области». Скажем, насколько сельское поселение Угоры типично для Костромской области и Русского Севера в целом, который «во многих отношениях сохраняет вневременной деревенский колорит — ужасные дороги, множество умирающих деревень с покосившимися избами и бескрайние леса вокруг. Кажется, что время здесь застыло и все остается неизменным — как сто лет назад» (с. 42). Авторы отмечают, что «в Угорах к приезжим исследователям относились очень приветливо... а жители других регионов относились... гораздо более подозрительно, а иногда и просто враждебно», объясняя это тем, что «в Угорах уже несколько лет располагалась база Сообщества профессиональных социологов, так что люди привыкли к то и дело приезжающим ученым и студентам» (с. 43). Но это не просто база, а своего рода реальная модель сохранения и возрождения сельских поселений⁵ силами столичных дачников, привозящих с собой и городские практики медиапотребления, т.е. Угоры — нетипичный кейс, особенно на момент исследования (с тех пор дачно-усадебное движение значительно расширилось).

В-третьих, это сильные выводы на основе достаточно ограниченной аргументации. Скажем, сомнительно, что «именно население сел и городов с населением менее 100 тысяч человек стало важнейшей аудиторией и для коммерческих вещателей, и для рекламодателей» (с. 7) — все же это не самая интересная для этих групп аудитория с точки зрения реальных доходов и, соответственно, потребительских возможностей. Сельская Россия выступает в книге как «другая Россия» — «зачарованное место, где настоящее никак не может проститься с прошлым» (с. 20), но существуют и иные трактовки «второй России»⁶. Почему традиционное хранение дома икон («так положено») приравнивается к «ритуальному христианству, в котором все еще ощутимы языческие истоки» (с. 47). Почему то, что сельских собеседников раздражает «жестокость, грубость, слишком вольное поведение и в кино, и в телевизионном эфире», авторы интерпретируют как проявления «морализма», а не феномена социальной желательности в сельском социуме, где «все всегда на виду», и самоубеждения в преимуществах «повседневной сельской жизни, где они практически не сталкиваются с негативными проявлениями человеческих отношений, которые свойственны жителям больших городов... в деревне люди добрее и спокойнее» (с. 53), хотя во многих сельских районах уровень социальной деградации значительно выше, чем в городах. Несколько сомнительно и то, что уехавшие из села молодые люди стараются не рассказывать сельским родственникам

5. См. сайт Угорского проекта: <http://www.ugory.ru>

6. См., напр.: *Троцук И. В.* (2014). «Вторая Россия»: форматы «обнаружения» и дискурсивной презентации // Пути России. Новые языки социального описания / Под общ. ред. М. Г. Пугачевой, В. П. Жаркова. Т. XIX. М.

о городской жизни, полагая, что «незнакомое насторожит их и вызовет непонимание»: о городских новшествах родственники узнают из телевизионных передач; авторы признают, что обеспеченные сельские жители по образу жизни могут мало отличаться от горожан; а пожилые родители радуются успехам детей, которые стали «как городские».

Не вполне понятно разделение сельских домохозяйств на три группы — с низким, средним и высоким «социокультурным статусом» — на основе количества предметов из заданного набора в 34 элемента «технической и культурной оснащенности домохозяйства» (от бытовой и медиатехники до книг и настенных календарей), а также вывод из определенного количества предметов о «стремлении людей к повышению качества жизни и готовности родственников к взаимопомощи» (с. 57). Неочевидно и разведение трех «наиболее часто упоминаемых типов медиапродукции — советских кинофильмов, голливудских блокбастеров и отечественных телесериалов» — на основе наиболее типичных для них клише: разве зарубежные фильмы обязательно должны быть сняты в Голливуде, а телесериалы — быть только российскими, и относятся ли к «советскому кино» (это фильмы, снятые с 1920-х по 1991 год?) такие сериалы, как, например, «Место встречи изменить нельзя»? Построение «типологии сельских киноманов» по критерию принятия киноклише из этих трех групп также вызывает вопросы: разве одни и те же клише не могут воспроизводиться в разных группах (например, современные российские римейки советских кинофильмов и кальки с западных сериалов); будет ли «русифилом» («предпочитающим все отечественное») человек, который любит снятый А. Кончаловским голливудский блокбастер «Танго и Кэш» (а сегодня фильмы Т. Бекмамбетова «Особо опасен» и «Бен Гур») и т.д.

Отмеченное авторами «достаточно уверенное положение каналов “первой тройки” — Первого, “России 1” и НТВ» может объясняться и тем, что значительную долю эфирного времени первых двух составляют новостные программы и связанные с их повесткой ток-шоу, где показывают выступления лидеров социального доверия россиян (прежде всего президента) и бесконечно обсуждаются их идеи и высказывания. Многие обозначенные авторами характеристики («набор ценностей») сельских жителей свойственны российскому обществу в целом: уверенность в невозможности личного участия в улучшении жизни, неприятие протестных форм гражданской активности, склонность обвинять во всех бедах чиновников всех уровней. Отмеченные гендерные различия в коммуникативных практиках сельских жителей выглядят слишком стереотипизированными, и делать подобные выводы нужно по относительным, а не абсолютным частотам (с. 104). Разводить устную и письменную культуры как принципиальные отличия сельских и городских жителей сегодня сложно, учитывая масштабы цифровизации, — вероят-

но, следует говорить о поколенческих различиях, а не об «особенностях типов интеллекта и приемлемых для них стилях обучения» (с. 115).

Авторы полагают, что сельские жители «во многом сохранили позднесоветское сознание» (в чем его отличия от ранне- и просто советского?), и «модель человека, ориентированного на индивидуалистические ценности, у них не сложилась», несмотря на «разгосударствление», но опросы общественного мнения говорят о том, что такая модель сложилась, и сами авторы неоднократно приводят тому примеры, в том числе в сфере медиапотребления. Сельские респонденты обычно охотно общаются с исследователями, желая «быть услышанными», но связывать этот запрос с тем, что «советская и постсоветская массовая культура, в отличие от западной, очень мало работала с травмами и страхами» (с. 140), упоминая при этом концепцию «общества риска» У. Бека, несколько странно. В целом баумановский «синдром тревожного мира» сегодня стал социальной нормой в дюркгеймовском смысле, поэтому «шрамы памяти и страхи — часть повседневного существования», через которые «люди смотрят не только на прошлое и настоящее, но и на будущее» (с. 142), но все же они воспринимаются не столько как «травмы», сколько как «нормальная жизнь».

В-четвертых, это встречающиеся в тексте противоречия. Например, авторы приводят многочисленные цитаты из интервью с сельскими жителями и выделяют курсивом интересные вербальные конструкции, но в то же время отмечают, что «тексты интервью часто трудно читать, в них много повторов и сумбура, много клише из официального дискурса» (с. 12). В качественном подходе именно сумбурно-несвязные повествования считаются исследовательской удачей, а наличие в них клише говорит не столько о «вытесненной субъективности», сколько о воспроизводстве идеологических клише как дискурсивной «нормы» (язык как инструмент объективации в социально-феноменологическом смысле).

Не вполне понятно, как «многоканальное телевидение и массовый доступ к Интернету могли повлиять на художественные вкусы, способность критически мыслить... или по крайней мере внести коррективы в привычный медиауклад» (с. 10) — вряд ли перевод привычного «контента» в иной технологический формат мог столь радикально изменить общественное сознание и социальные практики. В начале книги авторы справедливо-иронично оценивают намерения «сторонников модернизационного дискурса о цифровом телевидении» с его помощью «обеспечить сельским жителям “поставку” городского образа жизни и “открытие” сознания», критикуя эти намерения как «чистой воды технологический детерминизм» и убедительно показывая «невозможность “победоносного шествия” городской медиатизированной культуры в сельской среде» (с. 21). Однако затем во втором разделе отмечают, что «выход жителей села на новый виток модернизации (насколько здесь ну-

жен именно этот термин?) повседневных бытовых и культурных практик не привел к существенным изменениям их привычек и художественных предпочтений» и «не повлиял на отношения в семьях... — сохранилось главенство мужчины в семье, в частности его досуговых предпочтений при выборе телепрограмм и кинофильмов» (с. 46) — но разве такая «модернизация» могла повлечь столь радикальные изменения в принципе?

Таким образом, научная часть книги получилась отрывочно-фрагментарной, а публицистическая — оценочно-прямолинейной, несмотря на корректную постановку интереснейших задач: зафиксировать изменения медиапрактик и сохраняющиеся технологические диспропорции в сельских районах, проиллюстрировать реальными примерами сложнейшую проблему цифрового неравенства в российском обществе и необходимость развития цифровой и медиаграмотности сельских жителей. Это не означает, что все сказанное авторами неверно, тем более что они признают «очень субъективный, описательный и публицистический» характер своей работы, — скорее недостаточно аргументированно для научного исследования, а в статусе публицистических заметок материал не вызвал бы столько вопросов, поскольку содержит много важных наблюдений: о «перманентном ремонте как творчестве и образе жизни», демонстративном потреблении (включая его гипертрофированные формы — сохранение ценников на вещах и размещение дорогих покупок на виду), «хаотичности медиапотребления», «китчевости» сельской субкультуры, «псевдоностальгической идеализации советского прошлого, характерной для старшего и отчасти среднего поколения» (хотя ее обусловленность «культурой китча» сомнительна), разнородном составе ««других», не вписывающихся в правильную картину мира сельских жителей», не меньшей «авторитарности» цифровых платформ, чем телевидения, которая скрывается за внешним коммуникативным хаосом, и т.д.

Читатель с иным исследовательским опытом может высказать иные оценочные суждения (предложить иные аналитические обобщения), апеллируя к другому набору сельских «кейсов», статистическим обследованиям, социологическим данным и источникам (в книге наблюдается перекося bibliографических списков по разделам — где-то они внушительные, где-то указан только один источник, странно выглядит список из пяти зарубежных англоязычных работ в разделе о сельском поселении Угоры как примере «заложника колеи»). Здесь можно лишь солидаризироваться с рецензентом книги, А. Н. Архангельским, в том, что она представляет собой «полифонию голосов ученых, журналистов и сельских жителей», которая «не дает строго научного подтвержденного ответа на исследовательские вопросы, зато позволяет читателю думать над ними дальше, уже самостоятельно».

Все это заставляет воспринимать книгу как убедительную попытку наметить контуры будущих исследований важного аспекта

российской сельской жизни — медиапотребительской дифференциации как определяющей, в том числе социальное самочувствие сельских жителей: авторы обозначили оформившиеся в данном предметном поле аналитические противоречия, методические ограничения, социальные стереотипизации и объективные тенденции. С этой точки зрения книга — хорошая стартовая позиция для исследователей социально-экономической дифференциации в сельских (и не только) районах — как обусловленной сложным переплетением субъективных и объективных факторов в локальном, региональном и глобальном контекстах.

Questions without answers, or one more 'dimension' of the Russian rural differentiation?

Review of the book: Enchanted Place. Media Consumption, Media Literacy, and Historical Memory of Rural Population / Ed. by A. Novikova, A. Kachkaeva. Moscow: HSE, 2021. 168 p.

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571 Moscow, Vernadskogo Prosp, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

7. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.